М.И. Миряков

**КОНЦЕПЦИЯ ПЕНСИОННОГО КРИЗИСА
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОВ-ТЕНДЕНЦИЙ
В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Аннотация. Во второй половине XX в. для обоснования неизбежности кризиса государства всеобщего благосостояния и необходимости сокращения пенсионных обязательств стал широко применяться аргумент старения населения. Старение населения является результатом двух демографических тенденций: последовательного снижения уровня рождаемости и увеличения продолжительности жизни. В рамках сложившегося дискурса предполагается, что старение населения ведет к неспособности государства обеспечивать накопленные социальные обязательства перед гражданами, прежде всего пенсионные выплаты.

В работе приводится история формирования и критический анализ концепции пенсионного кризиса. Показано, что концепцию пенсионного кризиса следует рассматривать в одном ряду с законами-тенденциями, оказавшими значительное влияние на дебаты в области экономической политики, в особенности с «законом народонаселения» Т.Р. Мальтуса. Анализ концепции пенсионного кризиса как закона-тенденции позволяет более критично взглянуть на взаимосвязь между старением населения и будущим пенсионных систем. Исследователи в области истории экономической мысли уже обращали внимание на то, насколько полемика вокруг государства всеобщего благосостояния схожа с дискуссией о законе народонаселения. В работе продемонстрировано, что и один из центральных аргументов критиков государства всеобщего благосостояния по своей структуре схож с законом Мальтуса, на котором несколько столетий назад основывалась критика попыток улучшить положение бедных слоев населения.

Интуитивно простая идея, лежащая в основе концепции пенсионного кризиса, хотя и является объектом серьезной критики как излишне упрощающая реальность, до сих пор продолжает формировать политическую повестку дня многих правительств в мире. При этом, несмотря на долгие споры, степень влияния старения населения на перспективы пенсионного обеспечения остается малоизученной.

Ключевые слова: закон-тенденция; старение населения; социальная политика; пенсионная реформа; кризис пенсионных систем.

Миряков Михаил Иванович – сотрудник Центра истории и методологии экономической науки, Департамент теоретической экономики,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия, Москва.
E-mail: mmiryakov@hse.ru
Scopus Author ID: 57211320024;
Web of Science Researcher ID: U-1161-2017

Miryakov M.I. The Pension Crisis Discourse in the Light of the Methodology of Economics

Abstract. *In the second half of the 20th century, the demographic trends, leading to the population ageing, shaped the pension policy agenda. The population ageing argument played a crucial role in the pension reform and, more generally, in the welfare state discourse that attempted to explain the inevitability of the fall of the «old-fashioned» state-led pension systems in the long run. The paper provides a critical analysis of these ideas, classified as the «pension crisis concept». It is shown that this concept should be regarded as a tendency-law, which extrapolates one particular factor in order to show the inevitability of a crisis in the future. One of the most famous examples of the tendency-laws is the once influential idea of T.R. Malthus – that is, the «law of population» with its criticism of any attempts aimed at improving living standards of population several centuries ago.*

The analysis of the pension crisis concept as a tendency-law makes it possible to look more critically at today's pension reform discourse, which directly links the population ageing to the future of pension systems. Historians of economic thought have already noticed that the ongoing debate over welfare state has much in common with the debate on the Malthusian principle of population. The paper argues that one of the central arguments of the welfare state critics and the Malthusian law share similar methodological principles.

Although the pension crisis concept is the subject of serious criticism as oversimplifying reality, the demographic explanation continues to shape the political agenda of many governments all over the world. However, despite lengthy debate, the degree of influence of the population aging on the prospects of pension provisions is still a poorly researched area.

Keywords: *tendency-law; population ageing; social policy; pension reform; pension system crisis.*

Miryakov Mikhail Ivanovich – Fellow at the Centre of the History and Methodology of Economics, Department of Theoretical Economics, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow. E-mail: mmiryakov@hse.ru
Scopus Author ID: 57211320024;
Web of Science Researcher ID: U-1161-2017

1. Введение

В 1970–1980-е годы в области социальной политики наметился сдвиг в сторону сокращения уровня обязательств государства перед населением. Стремительно распространявшийся неolibеpальный дискурс получил под-

держку международных финансовых институтов (в первую очередь Всемирного банка) и с 1990-х годов стал оказывать существенное влияние на теорию и практику пенсионных реформ во всем мире. Новый подход к дизайну пенсионных систем в немалой степени опирался на обоснования из области неоклассической экономической теории: «старая» модель пенсионного обеспечения критиковалась с позиций неэффективности перераспределения доходов и создания препятствий для экономического роста¹. Однако на первый план в распространении и применении идей новой пенсионной политики вышел не сугубо теоретический, а «эмпирический» тезис. Необходимость сокращения уровня государственных обязательств объясняется характером современных демографических трендов, прежде всего – *старением населения*. Именно старение населения в рамках сложившегося дискурса ведет в перспективе к неспособности государства обеспечивать накопившиеся социальные обязательства. В дальнейшем изложении этот тезис будет называться «концепция пенсионного кризиса».

Обобщение характерных для развитых стран XX в. тенденций к снижению рождаемости и росту продолжительности жизни определили направление развития дебатов о социальной защите и государстве всеобщего благосостояния. С точки зрения фактического влияния на экономическую политику концепцию пенсионного кризиса можно назвать одной из наиболее влиятельных идей второй половины XX – начала XXI в. Как будет показано ниже, данную концепцию следует рассматривать в одном ряду с некогда влиятельными законами-тенденциями, оказавшими значительное влияние на дебаты в области экономической политики, например с «законом народонаселения» Т.Р. Мальтуса, «теорией земельной ренты» Д. Рикардо и «тенденцией нормы прибыли к понижению» К. Маркса. Все эти упрощенные конструкции, отталкиваясь от некоторых теоретических положений, преобразовывались в базовые элементы экономических дискурсов, выступая основой для некритического принятия или отторжения тех или иных политических или идеологических положений. Рассмотрение концепции пенсионного кризиса в ряду с другими примерами законов-тенденций из истории экономической науки позволит более критично взглянуть на сложившийся дискурс, устанавливающий однозначную взаимосвязь между старением населения и будущим пенсионных систем.

2. Законы-тенденции в истории экономической мысли

Упрощение мира при анализе – ограничение числа анализируемых переменных и введение предпосылок относительно динамики этих переменных –

---

1. Пример такой критики представлен в: [WorldBank 1994].

является неотъемлемой и неизбежной частью исследовательской работы. Построение *законов-тенденций*², в которых экстраполируется влияние некоторого фактора при предположении о незначимости прочих, является популярным приемом теоретизирования у исследователей как общественных, так и естественных наук. С точки зрения методологии научного исследования такие закономерности могут служить промежуточным звеном в построении более общих теорий. В конечном счете факторы, принимаемые исследователем в законе-тенденции в качестве «прочих равных», могут обладать собственными закономерностями, выявление и описание которых является следующей по очередности задачей исследования: «...научная ценность закона-тенденции зависит от того, насколько эффективно он стимулирует и направляет поиски этих прочих факторов или сил» ([Kaplan 1964], цит. по: [Блауг 2004, с. 121]).

В то же время использование законов-тенденций в экономической науке имеет довольно печальную известность, поскольку они позволяют «отмахнуться от всего того, о чем автор не имеет представления» [Блауг 2004, с. 120]. Часто законы-тенденции становились окончательной истиной в рамках экономического дискурса и служили инструментом убеждения, но не промежуточным звеном исследования и инструментом анализа. Однако, поскольку подавляющая часть интеллектуальной работы экономистов относится к сфере искусства экономики [Ананьин 2007; Ананьин 2008] – практической деятельности, а не построению теорий – роль закона-тенденции как способа концептуализации реальности и структурирования дискурса исключительно важна. Даже несмотря на ограниченную способность описания мира и возможную ошибочность выводов, закон-тенденция создает фундамент для обсуждения более общих вопросов.

Один из наиболее известных примеров законов-тенденций в истории экономической мысли – это «закон народонаселения» Мальтуса. Как известно, обоснование мальтузианского тезиса опиралось на одно ключевое положение: способность человека к продолжению рода превышает его способность увеличивать количество продовольствия. В наиболее известной форме это положение представляется в качестве сравнения двух прогрессий: население (в случае отсутствия препятствий) возрастает в геометрической прогрессии, в то время как количество средств к существованию не может увеличиваться быстрее, чем в арифметической прогрессии [Мальтус 1895, с. 14, 18]. Ограничениями роста населения являются снижение рождаемости и рост смертности. Стремление к продолжению рода ограничивает перспективы роста

---

2. Под *законом-тенденцией (tendency law)* понимается утверждение о существовании некоторой силы (закономерности, тенденции), которая в случае отсутствия противодействующих факторов приведет к определенному результату. Подробнее о законах-тенденциях в истории экономической науки см.: [Блауг 2004, с. 118–122].

уровня жизни населения: из теории Мальтуса вытекает, что как только увеличение количества средств к существованию создает возможность улучшения качества жизни бедных, неконтролируемый рост рождаемости ведет к росту численности населения до предельно возможного состояния.

Тот факт, что концепция Мальтуса получила популярность, можно связать с ее простотой и убедительностью: «Знаменитое противопоставление двух видов прогрессий, предложенное Мальтусом ... действовало с гипнотической убедительностью лозунга или рекламы» [Блауг 1994, с. 64]. Несмотря на то что идеалом метода проведения научного исследования эпохи была индукция, обе зависимости не подтверждаются историческими фактами, а выводятся Мальтусом *apriori*³. Проблему этого метода применительно к прогнозированию будущего хорошо осознавали методологи того времени: «...человек часто ... говорит о фактическом результате, когда он может утверждать лишь о *тенденции*, ведущей к этому результату – силе, действующей с определенной интенсивностью в определенном направлении» [Mill 1967, р. 337]. (Сам Милль был одним из сторонников Мальтуса – см. гл. X кн. 1. «Основы политической экономии»: [Милль 2007, с. 225–232].)

Ключевой методологической проблемой законов-тенденций является игнорирование противодействующих сил. Социальные тенденции, которые в состоянии коренным образом изменить устройство общества (в данном случае радикальные демографические изменения), не могут рассматриваться как внешние по отношению к социально-экономической системе при долгосрочном моделировании – главным образом из-за того, что они сами могут стать причиной других, в том числе противоположных, тенденций (или же быть проявлением некоторых более общих процессов). За это критиковал Мальтуса Й. Шумпетер: «...нет никакого смысла в том, чтобы пытаться сформулировать независимые “законы” поведения двух взаимозависимых величин» [Шумпетер 2004, с. 760]. Однако другая проблема доопытного построения общих законов-тенденций состоит в том, что весь последующий процесс подбора материалов не является непредвзятым. Например, Мальтус прибегал лишь к тем фактам, которые действительно подтверждали его теорию, не погружаясь при этом в вопросы демографии по существу. Один из наиболее известных примеров тому – утверждение об удвоении населения примерно

---

3. Первое издание было написано Мальтусом при помощи небольшого количества материала, доступного ему в деревенской местности [Keynes 2010, р. 84]. Индуктивные проверки появились лишь в более поздних изданиях. Переходу от априорного метода к индукции способствовала поездка в поисках материалов, которую он совершил в 1799 г. по Швеции, Норвегии, Финляндии и части России – «единственные страны, открытые в то время для английских путешественников», а также вторая поездка во Францию и Швейцарию в 1802 г. [Otter 1836, р. XXXVI–XXXVII].

каждые четверть века [Мальтус 1895, с. 12–13]. Этот результат подтверждался с помощью нерепрезентативной американской статистики, которая не учитывала различия между миграцией и рождением детей и давала лишь агрегированные значения прироста населения. Как результат, Мальтус эмпирически «подтверждал» выведенную *apriori* геометрическую прогрессию прироста численности населения.

Другой пример предвзятого отбора фактов – это взрывной рост населения после начала Промышленной революции. Несмотря на фактическое снижение смертности во второй половине XVIII в., положительная динамика населения связывалась Мальтусом главным образом с ростом рождаемости. «Дело не в том, что он неверно истолковал факты ... скорее всего, он никогда не имел ясного понятия о природе взрыва народонаселения, которому его доктрина обязана своей славой, а может быть, и не интересовался этим» [Блауг 1994, с. 63]. В дальнейшем многие из последователей Мальтуса имели возможность разделять его теорию по существу, без оглядки на согласованность с эмпирическими данными, поскольку разработанная абстрактная теоретическая схема не была строго привязана к конкретным данным – имел значение лишь сам характер соотношения между перспективами экономического развития и роста населения.

Еще более примечательна в этом смысле судьба теории ренты Рикардо, которая и на сегодняшний день присутствует в арсенале экономистов в виде закона убывающей отдачи. Идея Рикардо в силу своей абстрактности вошла в корпус экономического знания, даже несмотря на то что найти подтверждение этому закону в реальном мире трудно [Блауг 1994, с. 71; Sraffa 1926].

3. Пенсионное обеспечение и распространение концепции о старении населения во второй половине XX – начале XXI в.

Несмотря на то что государственные пенсионные системы возникли уже в конце XIX в., долгое время большинство из них охватывали весьма ограниченные слои населения и характеризовались скромным объемом социальных обязательств по сравнению с текущими обязательствами развитых стран. На момент создания пенсионных систем их участниками являлась лишь незначительная часть населения (преимущественно городской пролетариат), размер выплат был сравнительно невысоким, а пенсионный возраст зачастую превышал даже сегодняшние значения⁴. Выплаты пожилым не составляли

---

4. Возраст выхода на пенсию участников пенсионной системы, введенной при Бисмарке в Германской империи в 1889 г., составлял 70 лет, что превышает текущий пенсионный возраст в ФРГ [Малева, Синявская 2010, с. 119, 123].

сколько-нибудь значимой статьи расходов государств и едва ли могли рассматриваться как проблема даже в долгосрочной перспективе.

Коренным образом ситуация изменилась после Второй мировой войны. Уже в конце войны, 10 мая 1944 г., в Филадельфии была принята декларация Международной организации труда «О целях и задачах Международной организации труда», в которой была отмечена важность расширения систем социальной защиты (включая здравоохранение) (см.: пункт III (f) в [ILO 1944]). Этот и другие документы, принятые в первое послевоенное десятилетие, отражают характеристики нового социального контракта [Orenstein 2011, p. 67], который довольно быстро распространился по всему миру, не только в развитых странах⁵. Одним из принятых документов была Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенция № 102), в которой был установлен ориентир для минимального уровня пенсионного обеспечения в размере 40% от утраченного заработка [ILO 1952, Part XI]. Этот документ оказал существенное влияние на дискуссию о пенсионной реформе и в России, даже несмотря на то что ратифицирован был лишь в 2018 г. (Федеральный закон от 03.10.2018 N 349-ФЗ). По этой причине уместнее говорить, что современные пенсионные системы по своим целям и задачам являются продуктом соглашений конца 1940 – начала 1950-х годов, но не Германии времён Бисмарка.

Экспансия обязательств по пенсионному обеспечению стала причиной роста ставок социальных взносов. Уже в первые послевоенные годы, по мере расширения систем социальной защиты, некоторые исследователи стали поднимать проблему возможных негативных последствий старения населения (напр.: [Sauvy 1948]). Долгое время эта проблема, однако, не оказывала какого-либо значимого влияния на политику – разве что, возможно, ограничивала дальнейшие перспективы расширения социальных обязательств. На протяжении нескольких послевоенных десятилетий со стороны экономистов пенсионные системы критиковались в первую очередь как несправедливый и экономически неэффективный механизм государственного вмешательства, ограничивающий свободу личности (см., например, гл. XI опубликованной в 1962 г. работы «Капитализм и свобода» М. Фридмена: [Фридмен 2005]).

Ситуация резко изменилась в 1980-е годы: значимым эпизодом десятилетия, закрепившим старение населения как ключевую проблему в рамках дискурса по пенсионным реформам, стала пенсионная приватизация в Чили

---

5. Динамика распространения систем социальной защиты в мире в 1889–1994 гг. представлена в: [Orenstein 2003, p. 175–181]. В СССР первая массовая пенсионная система возникла также в послевоенное время, в 1956 г., а в 1964 г. была расширена на работников сельского хозяйства (подробный анализ и история советской пенсионной системы представлены в: [George 1991]).

в 1981 г. Чилийская приватизационная реформа готовилась в условиях общего экономического кризиса в конце 1970-х – начале 1980-х годов группой чилийских экономистов, которые реализовывали идеи ультралиберальных реформ после захвата власти А. Пиночетом. Автор пенсионной реформы Чили и один из популяризаторов пенсионной приватизации в мире, Х. Пиньера, писал: «Призрак бродит по миру. Это призрак банкротства государственных пенсионных систем. Распределительная пенсионная система ... разрушает ... существенную связь между усилиями и вознаграждением – другими словами, между личными обязанностями и личными правами... Два внешних фактора усугубляют результаты этого недостатка: (1) глобальная демографическая тенденция снижения уровня рождаемости; и (2) медицинские достижения, увеличивающие продолжительность жизни»⁶ [Piñera 1996, p. 1].

Роль Чили в рамках формирования дискурса по пенсионным системам невозможно переоценить [Мельник, Миряков 2019 b]. Однако несмотря на то что к 1980 г. дефицит пенсионной системы в Чили достиг 2,7% ВВП [Ruiz-Tagle, Castro 2001, p. 119] – этот факт активно использовался как аргумент против распределительной пенсионной системы – на момент проведения реформы корень проблем пенсионной системы в Чили лежал в экономике, а не в демографических тенденциях. Число работников, которые уплачивали взносы в пенсионную систему, по отношению к числу пенсионеров снизилось с 12,2 в 1955 г. до 2,5 в 1980-е годы [Ruiz-Tagle, Castro 2001, p. 118]. Столь сильное снижение активных участников пенсионной системы не было последствием лишь снижения рождаемости и увеличения продолжительности жизни чилийцев: это было закономерным результатом накопившихся экономических проблем, резкого роста неформальной занятости и увеличения безработицы.

В конце 1980-х годов идея необходимости долгосрочной балансировки пенсионных систем в свете демографических трендов получила активную поддержку со стороны сотрудников международных финансовых институтов. Сотрудники OECD с 1988 г. активно распространяли отчеты о старении населения, настаивая на необходимости проведения изменений в пенсионных системах [Ebbinghaus 2015, p. 58–59]. Идеи радикальной пенсионной приватизации стали доминирующими в дискуссиях по пенсионным реформам преимущественно в развивающихся странах: сначала в Латинской Америке, а затем в посткоммунистических экономиках. Одной из наиболее важных работ в области пенсионных систем, оказавших существенное влияние на прак-

---

6. Динамика возрастной структуры населения определяется тремя показателями: 1) уровнем рождаемости; 2) продолжительностью жизни; 3) уровнем миграции. Хотя в теории миграция может существенно изменить динамику возрастной структуры, на практике влияние этого фактора на пенсионные системы оценивается как незначительное, см.: [Bonoli 2000, p. 17; Cesaratto 2005, p. 11].

тику проведения пенсионных реформ в 1990–2000-е годы, является публикация сотрудников Всемирного банка «Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old and Promote Growth» [World Bank 1994]. В этой публикации были обобщены взгляды на проблемы пенсионных систем, многие из которых лежат в основе экспертного консенсуса и сегодня.

Основной задачей пенсионной политики для международных финансовых институтов стало снижение роли государства в области пенсионного обеспечения, а также усиление опоры на рынок и повышение личной ответственности будущего пенсионера за пенсию. Ключевым инструментом была приватизация пенсионной системы – замещение обязательной перераспределительной пенсионной системы (PAYG) на накопительные пенсионные планы. Приватизация предлагалась как необходимый (и единственный) вариант реформирования пенсионной системы без существенного ухудшения качества пенсионного обеспечения и наращивания дефицита бюджета в долгосрочной перспективе. Однако в качестве текущих мер по стабилизации экономики в целом и пенсионной системы, в частности, рассматривались и другие инструменты, в том числе и повышение пенсионного возраста [WorldBank 1994, р. 21–22]. Как результат, во многих посткоммунистических странах приватизация проводилась одновременно с повышением пенсионного возраста, и Россия в этом смысле представляет собой заметное исключение.

Пенсионная система отражает экономические неэффективности; катастрофические изменения на рынке труда и падение совокупного выпуска влияют на баланс пенсионной системы – поэтому неудивительно, что сторонники радикальных реформ социального обеспечения получали большую поддержку именно в развивающихся странах Латинской Америки и переходных экономиках. Так же, как и в случае приватизационной реформы Чили, в странах Восточной Европы в 1990-е годы текущие проблемы систем пенсионного обеспечения многими экспертами и политиками стали связываться главным образом с апокалиптическим старением населения – несмотря на все экономические проблемы, которые сопровождали переходный период, напрямую отражались и на балансе пенсионных систем [Мельник, Миряков 2019 а].

В качестве примера можно привести типичную оценку кризиса задолженности Пенсионного фонда России в середине 1990-х годов сторонниками концепции пенсионного кризиса: «Кризис принял *откровенно хронический* характер, ... проблема носит *системный* характер... Стало *очевидным*, что речь должна идти не о частных неудачах, не об эпизодическом явлении и не о досадном недоразумении, а о процессах *глобального* характера. Проблема приобрела принципиально иное звучание и переросла в *масштабную* общественно-политическую и научную дискуссию...» (курсив мой. – М. М.) [Малева, Синавская 2005, с. 7].

4. Концепция пенсионного кризиса

Логика аргумента о стареющем населении весьма схожа с логикой Мальтуса – с той лишь разницей, что дестабилизацию в естественный процесс экономического кругооборота вносит неконтролируемый рост доли непродовольственного класса пожилых, а не абсолютный рост населения. Концепция пенсионного кризиса может быть выведена из следующего положения: *по причине старения населения снижение доли занятого населения превосходит увеличение производительности труда*. По своей структуре это положение аналогично теории Мальтуса – неконтролируемый демографический тренд в условиях объективного экономического ограничения. В результате общее количество экономических благ в расчете на душу населения с течением времени снижается, что в конечном счете неминуемо ведет к пенсионному кризису.

Факты подтверждают, что население «стареет», т.е. доля пожилых людей в большинстве стран увеличивается. Однако важный вопрос с точки зрения пенсионной политики состоит в другом – к чему это в конечном счете может привести? Обычная практика описания проблемы пенсионного кризиса часто сводится к описанию динамики коэффициента демографической нагрузки и дефицита пенсионной системы. Подразумевается (чаще всего неявно), что демографические тенденции приведут к дефициту благ и социальным потрясениям, которые так или иначе вернут систему в текущие границы производственных возможностей (которые заданы институтами, текущим уровнем технологий и другими факторами). При этом конечной проблемой старения населения является не нехватка финансовых средств, а нехватка экономических благ. На сегодняшний день, как правило, обсуждение старения населения и проблемы пенсионного кризиса происходит в терминах перераспределения финансовых активов – просто потому, что именно денежный трансфер стал наиболее распространенной формой поддержки пожилых людей в XX в. Однако пенсионеры претендуют в первую очередь не на деньги и финансовые активы, а на часть совокупного продукта, созданного трудом. По существу, сторонники концепции пенсионного кризиса опасаются именно того, что в сложившихся условиях уменьшающаяся доля рабочего населения не сможет производить достаточного количества экономических благ.

В рамках текущего дискурса и все меры – от повышения пенсионного возраста до введения обязательных накопительных пенсионных планов – предлагаются как способ *мобилизации экономических ресурсов*. Эта установка подтверждается работами ведущих представителей Всемирного банка, например: «...для решения проблемы старения населения потребуется более

эффективное использование капитала и рабочей силы во всех регионах» [Хольцман, Хинц 2005, с. 31]⁷.

Конкретный механизм возникновения кризиса и социальных потрясений в рамках сложившегося дискурса, как правило, описывается не вполне четко. Однако наиболее часто встречается следующий сценарий. По мере старения населения растет число пенсионеров и их политический вес. В результате этого в определенный момент политики становятся своего рода заложниками ситуации. С одной стороны, игнорирование интересов пенсионеров чревато концом политической карьеры, в то время как с другой – «потакание пожилым»⁸ – это политика, которая неизбежно приведет к дефициту экономических благ, экономической стагнации и росту социальной напряженности (напр.: [Дмитриев и др. 2008, с. 28–29]).

5. Противодействующие тенденции и проблемы прогнозирования

Убеждение посредством закона-тенденции происходит путем экстраполяции некоторых выделенных закономерностей из прошлого до кризисного состояния в будущем. Чем более наглядными и очевидными выглядят закономерности прошлого и перспективы их сохранения, тем большими перспективами обладает выведенный закон как инструмент дискурса. Однако насколько в действительности выведенное выше положение, лежащее в основе концепции пенсионного кризиса, в состоянии описать проблему, с которой столкнулись большинство развитых и развивающихся экономик на начало XXI в.?

Две ключевые проблемы концепции пенсионного кризиса состоят в: 1) *сведении демографической нагрузки только к нагрузке пожилыми* и 2) *отсутствии анализа долгосрочных изменений на рынке труда*. Однако следует указать на наличие контртенденций⁹, которые остаются за рамками концепции пенсионного кризиса.

---

7. Один из авторов цитируемой работы, Р. Хольцман, был директором сектора Всемирного банка, где занимался вопросами социальной защиты и в течение долгого времени руководил кампанией по продвижению пенсионной приватизации и других мер по сокращению уровня государственных обязательств перед пожилыми людьми. Схожие рассуждения можно найти в других работах, например.: [World Bank 1994].

8. «Потакание пожилым», в первую очередь в области пенсионного обеспечения, хотя это касается и здравоохранения – поскольку пенсионеры также предъявляют высокий спрос на медицинские услуги.

9. М. Блауг критиковал Мальтуса за то, что он не учитывал «автоматические ограничения» действия основной силы своего закона (стремления человека к размножению), см.: [Блауг 1994, с. 66–68].

Старение населения происходит как результат снижения уровня рождаемости, а само по себе снижение рождаемости до сих пор являлось своего рода «встроенным стабилизатором» старения населения для большинства развитых и развивающихся стран. На протяжении долгого времени за счет снижения доли детей общая нагрузка на рабочее население сдерживалась или даже снижалась [Вишневский 2014]. Доля детей младше 15 лет в общей структуре населения России за 90 лет (1927–2017) снизилась с 37,8% до 17,4; при этом за тот же период совокупная доля детей младше 15 лет и взрослых в возрасте 60 лет и старше также снизилась с 44,3 до 38,2%¹⁰. В развитых западных экономиках показатель общей нагрузки также сокращался; в том числе в 1970–2010-х годах общая демографическая нагрузка¹¹ снизилась в Германии с 58,6 до 51,8%, во Франции с 60,4 до 54,6%, в Италии с 55,7 до 52,7%, в США с 61,7 до 49,7%, в Канаде с 61,7% до 44,2%. То же справедливо и в отношении посткоммунистических экономик: за тот же период (1970–2010-е годы) общая нагрузка снизилась в Польше с 54,9 до 40,2%, в Чехии с 50,0 до 42,2%, в Венгрии с 47,9 до 44,8%, в Словакии с 58,0 до 38,5%; в некоторых латиноамериканских странах снижение было еще более существенным: в Чили общая нагрузка снизилась с 73,7 до 45,9%, а в Бразилии – с 84,0% до 46,3%.

Таким образом, в большинстве стран до сегодняшнего дня старение населения само по себе не привело к росту нагрузки на рабочее население и не стало угрозой государству всеобщего благосостояния. Проблему представляет преимущественно перебалансировка систем социальной защиты, т.е. речь идет о том, каким образом часть сбережений, ранее расходовавшаяся на детей, может быть изъята у рабочего населения и передана пожилым [Easterlin 1994, р. 22–23]. Для решения этой задачи используется прямой трансфер из государственного бюджета, который направляется на покрытие дефицита бюджета Пенсионного фонда. Этот трансфер часто трактуется как прямые потери общества из-за старения населения и считается признаком пенсионного кризиса, хотя его можно назвать также и механизмом подстройки системы социальной защиты под изменение возрастной структуры населения.

Хотя у снижения рождаемости есть свой естественный предел, этот предел может быть и у роста продолжительности жизни. Доказывать неизбежность пенсионного кризиса дальнейшим старением населения нельзя. Прогнозы без границ во времени создают «апокалиптическую обманчивость»: сторонники закона-тенденции в каждый момент по поводу (не)надвигающегося

---

10. Расчеты автора. Данные по РСФСР: [Андреев и др. 1998]. Данные по Российской Федерации: [Российский статистический ежегодник 2018].

11. Здесь и далее показатель демографической нагрузки рассчитан как отношение числа детей младше 15 лет и взрослых в возрасте старше 65 к числу взрослых в возрасте от 15 до 64. Источник: [United Nations 2019].

кризиса могут ответить: «Подождите, посмотрите еще» [Блауг 1994, с. 67]. Процессы старения населения и изменения общей демографической нагрузки весьма сильно различаются между странами. Перспективы динамики общей демографической нагрузки в спорах по пенсионной политике фигурируют нечасто, несмотря на долгую (более 70 лет) историю этих споров. Однако недопустимо строить общие выводы касательно долгосрочной динамики пенсионной системы и ее влияния на экономику на основе простой экстраполяции численности людей пожилого возраста.

Вопрос дефицита пенсионной системы является важным, но его исследование не является целью данной работы. Отметим лишь один важный факт, связанный с концепцией пенсионного кризиса. Практически безапелляционному принятию многими экономистами и политиками концепции пенсионного кризиса в Латинской Америке и посткоммунистических странах способствовал факт дефицита пенсионной системы. Однако во многих случаях дефицит пенсионной системы является результатом не растущих выплат, а низких сборов и существования неформальной занятости. Проблема особенно характерна для развивающихся стран с неэффективным регулированием рынка труда.

Например, в России среди проблем пенсионной системы неоднократно отмечались огромные масштабы теневого сектора, а также необходимость коррекции ставок взносов [Гринберг, Сафонов 2019]. При этом неолиберальный дискурс напрямую связывает размер сборов с масштабами неформальной занятости: увеличение ставок взносов с целью компенсировать дефицит бюджета, таким образом, приведет к тому, что большее число индивидов примут рациональное решение перейти в неформальную экономику [World Bank 1994, р. 4]. Впрочем, причинами уклонения от уплаты взносов зачастую могут быть не размеры взносов, а другие факторы, например низкий уровень доходов населения [Williams 2017, р. 162–163] и провалы «формальных» государственных институтов (в том числе пенсионной системы) [Гимпельсон, Капелюшников 2014, с. 58]. В этом смысле снижение уровня социальной защиты создает порочный круг: сокращение гарантий ведет к росту неформальной занятости, а увеличение неформальной занятости способствует росту дефицита пенсионной системы.

Увеличение доли пожилых связано и с другим «встроенным стабилизатором». В рамках концепции пенсионного кризиса предполагается полная занятость, количественное исчерпание наличных трудовых ресурсов. Однако история XX в. демонстрирует возможность качественных изменений на рынке труда. Снижение рождаемости статистически сильно коррелировало с ростом уровня женского образования и вовлеченности женщин в трудовые отношения. Немногим более века назад А. Маршалл был одним из первопроходцев Кембриджа, который пытался расширить образование и на женщин, в то время

как большинство его современников относились к женщине лишь как к «хранительнице семейного очага» [Назар 2013, с. 98].

В Конвенции 1952 г. о минимальных нормах социального обеспечения типовой бенефициарий обеспечения по старости – это «мужчина с женой пенсионного возраста», где «термин “жена” означает жену, находящуюся на иждивении своего мужа» [ILO 1952, Part I, Part XI]. В течение XX в. женщины активно выходили на рынок труда, в том числе и в России [Вишневский, Щербакова 2019, с. 155], что свидетельствует не только об эмансипации женщин, но и снижении числа детей в семье и времени, затрачиваемого на их воспитание.

Приведенные аргументы позволяют усомниться в том, что до сих пор старение населения и пенсионная система были причиной повышенной нагрузки на рабочее население или станут причиной кризиса в ближайшем будущем. Увеличение доли пожилых людей в обществе до сих пор сопровождалось трендами, совокупное позитивное влияние которых может быть сильнее с точки зрения влияния на производственный процесс. Это не означает, что старение населения не влияет на экономику в целом и пенсионную систему в частности – просто за предпосылкой *ceterisparibus* игнорируются не менее важные факторы, совокупное воздействие которых взаимосвязано. «При надлежащем анализе долгосрочного периода старение населения должно занять свое место в качестве одного из многих видов структурных изменений, которые в совокупности трансформируют занятость, выпуск и производительность» [Jackson 1992, p. 36]. Впрочем, насколько в действительности возможно проведение надлежащего анализа долгосрочного периода до сих пор остается неясным.

Важным является и другое наблюдение. Наиболее частым «научным» инструментом, обосновывающим необходимость снижения государственных обязательств перед пожилыми, является динамика численных показателей демографической нагрузки (например, увеличение числа пенсионеров, приходящихся на одного работника). Но каждый аргумент квантификации неизбежно вызывает вопрос: «Много – это насколько много?» [Макклоски 2015, гл. 7]. Сопоставление ряда численных значений предполагает некоторую референтную точку, и эта точка не существует сама по себе – она определяется конвенционально. На сегодняшний день объективных критериев, которые ставят в соответствие состояние экономической системы и долю пожилых в обществе, представлено не было. При этом попытки дать количественные оценки бремени, которое пенсионные системы оказывают на стареющее

общество, неизбежно содержат в себе ценностную компоненту, и поэтому часто становятся объектом критики¹².

6. Заключение: Экономическая наука и экономическая политика

Прикладное значение экономической науки в немалой степени определяется тем, насколько эффективно она способствует разработке и обоснованию политических рекомендаций. В реальности, однако, экономический дискурс характеризуется конвенционализмом в вопросах установления истины, а «научное» обоснование часто используется для придания аргументу большего веса.

Концепция пенсионного кризиса во многом определила направление дебатов по пенсионным реформам и перспективам социальной политики. В рамках современного дискурса конвенциональная позиция по вопросу взаимосвязи старения населения состоит в том, что, по мере старения населения, уменьшение доли рабочей силы приведет к невозможности обеспечить все общество экономическими благами. Однако способ построения дискурса – на основе закона-тенденции, экстраполирующего влияние некоторых факторов при предпосылках о незначимости / неизменности других, которые в перспективе могут переломить выделяемую тенденцию – не дает достаточных оснований для утверждений о неизбежности надвигающегося кризиса.

Историки экономической мысли уже обращали внимание на то, насколько полемика вокруг государства всеобщего благосостояния схожа с дискуссией о законе народонаселения¹³. В данной работе было показано, что один из центральных аргументов критиков государства всеобщего благосостояния по своей структуре схож с законом Мальтуса, который несколько столетий назад лежал в основе критики попыток улучшить положение бедных слоев

---

12. Можно привести пример из российской дискуссии, посвященной вопросу повышения пенсионного возраста. Опираясь на долгосрочные демографические прогнозы Минэкономразвития РФ, в исследовании [Горлин и др. 2018, с. 151] был сделан вывод о том, что «в 2036 году среднестатистический работник должен обладать такой производительностью труда ... которая позволит ему обеспечивать жизненными благами себя, свою семью и дополнительно одного пенсионера, а в дальнейшем один работник будет нести материальную ответственность более чем за одного пенсионера». Другие исследователи отметили, что это утверждение «предполагает, что пенсионер – заведомо не член семьи» [Вишневский, Щербакова 2019, с. 152].

13. «Роль политической экономии в освещении границ того, что может быть достигнуто государственным вмешательством, была объектом дискуссий на протяжении веков, хотя с течением времени изменялись подходы... Возможно, более близкую аналогию с дискуссией о законе народонаселения представляют нескончаемые разногласия в отношении государства всеобщего благосостояния» [Ронкалья 2018, с. 204].

населения. Интуитивно простая идея, лежащая в основе концепции пенсионного кризиса, хотя и является объектом серьезной критики как излишне упрощающая реальность, до сих пор продолжает формировать политическую повестку дня многих правительств в мире. При этом, несмотря на долгие споры, степень влияния старения населения на перспективы пенсионного обеспечения остается недостаточно изученной.

Библиография

- Ананьин О.И. Экономика: наука и / или искусство // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 4–24.
- Ананьин О.И. Искусство экономики и / или прикладная экономика: методологический анализ // Ананьин О.И. (ред.) Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях. М.: Наука, 2008. С. 9–62.
- Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика, 1998. 187 с.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 687 с.
- Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Редакция журнала “Вопросы экономики”», 2004. 416 с.
- Вишневский А.Г. Пенсионная реформа: на пересечении экономического и демографического // Ясин Е.Г. XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 207–214.
- Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 42. № 2. С. 148–167.
- Гимпельсон В.Е., Капельюшников Р.И. В тени регулирования. Неформальность на российском рынке труда. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 20–77.
- Гринберг Р.С., Сафонов А.Л. Повышение пенсионного возраста в России, или Как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны // Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 42. № 2. С. 167–177.
- Горлин Ю., Ляшок В., Малева Т. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 148–179.
- Дмитриев, М., Дробышевский, С., Михайлов, Л., Омельчук, Т., Сычева, Л. Можно ли повысить пенсии до 40% заработной платы? // Экономическая политика. 2008. № 3. С. 26–36.
- Маккроски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
- Малева Т.М., Синявская О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. М.: Поматур, 2005. 75 с. (Сер. «Аналитические доклады НИСП»).
- Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–139.
- Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1895. 249 с.
- Мельник Д.В., Миражков М.И. Пенсионные реформы в посткоммунистических странах: механизмы распространения новой пенсионной ортодоксии // Общественные науки и современность. 2019 а. № 2. С. 79–90.
- Мельник Д.В., Миражков М.И. Приватизация пенсионной системы в Чили и формирование новой пенсионной ортодоксии // Вопросы экономики. 2019 б. № 9. С. 40–54.

Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. 1040 с.

Назар С. Путь к великой цели: история одной экономической идеи. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 704 с.

Ронкалья А. Богатство идей: история экономической мысли. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 1110 с.

Российский статистический ежегодник. 2018. Статистический сборник. М.: Росстат, 2018. 694 с.

Фридмен М. Капитализм и свобода. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое издательство, 2005. 240 с.

Хольцман Р., Хинц Р. Обеспеченная старость в XXI веке: пенсионные системы и реформы в международной перспективе. Вашингтон, Округ Колумбия: Всемирный банк, 2005. 199 с.

Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2. VIII + 496 с.

Bonoli G. The politics of pension reform: institutions and policy change in Western Europe. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. 188 p.

C102 – Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No 102) // URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312247:NO // ILO: International Labour Organization (дата обращения: 14.04.2020).

Cesaratto S. Pension Reform and Economic Theory: A Non-Orthodox Analysis. Cheltenham UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. 365 p.

Declaration concerning the aims and purposes of the International Labour Organisation, (Philadelphia Declaration) 10 May 1944 // ILO: International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1944/44B09_10_e_f.pdf (дата обращения: 14.04.2020).

Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Asefa S., Huang W. (eds). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 11–34.

Ebbinghaus B. The Privatization and Marketization of Pensions in Europe: A Double Transformation Facing the Crisis // European Policy Analysis. 2015. Vol. 1. No 1. P. 56–73.

George V. Social security in the USSR // International Social Security Review. 1991. Vol. 44. No 4. P. 47–64.

Jackson W.A. Population ageing and intergenerational conflict: a post Keynesian view // Journal of Economic Studies. 1992. Vol. 19. No 2. P. 26–37.

Keynes J.M. Essays in Biography. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 460 p.

Mill J.S. Essays on Economics and Society Part I / Robson J.M. (ed.) The Collected Works of John Stuart Mill, Volume IV. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1967. 404 p.

Orenstein M.A. Mapping the diffusion of pension innovation / Holzmann R., Orenstein M.A., Rutkowski M. (eds.). Pension reform in Europe: Process and progress. Washington, DC: World Bank, 2003. P. 171–194.

Orenstein M.A. Pension Privatization in Crisis: Death or Rebirth of a Global Policy Trend? // International Social Security Review. 2011. Vol. 64. No 3. P. 65–80.

Otter W. Memoir of Robert Malthus / T. Malthus. Principles of Political Economy (2 nd edition). London: W. Pickering, 1836. P. XIII–LIV.

Piñera J. Empowering workers: The privatization of social security in Chile. Cato's letter N 10. Washington, DC: Cato Institute, 1996. 18 p.

Ruiz-Tagle J.V., Castro F. The Chilean Pension System // OECD Journal on Budgeting. 2001. Vol. 1. No 1. P. 117–137.

- Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations // Population Studies. 1948. Vol. 2. No 1. P. 115–124.
- Sraffa P. The laws of returns under competitive conditions // The Economic Journal. 1926. Vol. 36. No 144. P. 535–550.
- Williams C.C. Tackling employment in the informal economy: A critical evaluation of the neo-liberal policy approach // Economic and Industrial Democracy. 2017. Vol. 38. No 1. P. 145–169.
- World Bank. Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth. New York: Oxford University Press, 1994. 402 p.
- World Population Prospects 2019, Online Edition. Rev. 1 // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2019. URL: [https://population.un.org/wpp/Download/ Standard/Population](https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population) (дата обращения: 14.04.2020).

References

- Ananyin O.I. Ekonomika: nauka i / ili iskusstvo [Economics: Art and / or Science]. Problems of Economics. 2007. No 11. P. 4–24. (In Russ.)
- Ananyin O.I. Iskustvo ekonomiki i / ili prikladnaya ekonomika: metodologicheskiy analiz [Art of economics and / or applied economics: methodological analysis]. In.: Ananyin O.I. (ed.) Ekonomika kak iskusstvo: metodologicheskie voprosy primeneniya ekonomicheskoy teorii v prikladnih socialno-ekonomicheskikh issledovaniyakh [Economics as an art: methodological issues of the application of economic theory in applied socio-economic research]. Moscow: Nauka, 2008. P. 9–62. (In Russ.)
- Andreev E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. Demographicheskaya istoria Rossii: 1927–1959. [The demographic history of Russia: 1927–1959]. Moscow: Informatika, 1998. 187 p. (In Russ.)
- Blaug M. Economic theory in retrospect. Moscow: Delo, 1994. 687 p. (In Russ.)
- Blaug M. The Methodology of Economics, or How economists explain. Moscow: Non-profit Partnership «Redaktsiya zhurnala “Voprosy Ekonomiki”», 2004. 416 p. (In Russ.)
- Bonoli G. The politics of pension reform: institutions and policy change in Western Europe. Cambridge UK: Cambridge University Press, 2000. 188 p.
- Cesaratto S. Pension Reform and Economic Theory: A Non-Orthodox Analysis. Cheltenham UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. 365 p.
- Dmitriev M., Drobyshevsky S., Mikhailov L., Omelchuk T., Sycheva L. Mozhno li povysit pensii do 40% zarabotnoy platy? [Is It Possible to Rise a Pension up to 40% of Wage?]. Economic Policy. 2008. No 3. P. 26–36. (In Russ.)
- Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Asefa S., Huang W. (eds). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, MI: W.E. Upjohn Institute for Employment Research, 1994. P. 11–34.
- Ebbinghaus B. The Privatization and Marketization of Pensions in Europe: A Double Transformation Facing the Crisis. European Policy Analysis. 2015. Vol. 1. No 1. P. 56–73.
- Friedman M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and freedom]. Moscow: Liberalnaya missiya foundation; Novoye Izdatelstvo, 2005. 240 p. (In Russ.)
- George V. Social security in the USSR. International Social Security Review. 1991. Vol. 44. No 4. P. 47–64.
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Glava 1. Neformalnost na rynke truda: kontseptualnie ramki analiza [Chapter 1. Informality in the labor market: conceptual framework for analysis]. In: Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. (Eds). V teni regulirovaniya: neformalnost na rossiyskom rynke truda [In the shadow of regulation: informality in the Russian labor market]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2014. P. 20–77. (In Russ.)

Gorlin Yu., Liashok V., Maleva T. Povysheniye pensionnogo vozrasta: pozitivnyye efekty i veroyatnyye riski [Pension Age Increase: Positive Effects and the Possible Risks]. *Economic Policy*. 2018. Vol. 13. No 1. P. 148–179. (In Russ.)

Grinberg R.S., Safonov A.L. (2019). Povysheniye pensionnogo vozrasta v Rossii, ili Kak byudzhetskaya mifologiya usugublyayet sotsialnoye neblagopoluchiyе strany [Raising the Retirement Age in Russia, or How Budget Mythology Exacerbates the Social Disadvantage of the Country]. *Journal of the New Economic Association*. 2019. Vol. 42. No 2. P. 167–177. (In Russ.)

Holzmann R., Hinz R. Obespechennaya starost v XXI veke: pensionnyye sistemy i reformy v mezhdunarodnoy perspektive [Old-age income support in the 21st century: An international perspective on pension systems and reform]. Washington, DC: World Bank, 2005. 199 p. (In Russ.)

ILO. Declaration concerning the aims and purposes of the International Labour Organisation, (Philadelphia Declaration). 1944. URL: https://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/1944/44B09_10_e_f.pdf (date of access: 14.04.2020).

ILO. Social Security (Minimum Standards) Convention, 1952 (No 102). 1952. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312247:NO (date of access: 14.04.2020).

Jackson W.A. Population ageing and intergenerational conflict: a post – Keynesian view. *Journal of Economic Studies*. 1992. Vol. 19. No 2. P. 26–37.

Keynes J.M. *Essays in Biography*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 460 p.

Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Pensionnaya reforma v Rossii: istoria, rezultati, perspektivi. Seria «Analiticheskiye doklady NISP» [Pension reform in Russia: history, results, prospects. «Independent Institute for Social Policy Analytical Reports» Series]. Moscow: Pomatur, 2005. 75 p. (In Russ.)

Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Povysheniye pensionnogo vozrasta: pro et contra [Pension Age Increase: Pro et Contra]. *Journal of the New Economic Association*. 2010. No 8. P. 117–139. (In Russ.)

Malthus T.R. Opyt zakona o narodonaselenii [An Essay on the Principle of Population]. Moscow: Soldatenkov K.T. Edition. 1895. 249 p. (In Russ.)

McCloskey D. Ritorika ekonomicheskoy nauki. 2-ye izd. [The rhetoric of economics. 2nd ed.]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2015. 328 p. (In Russ.)

Melnik D.V., Miryakov M.I. Pensionnye reformy v postkommunisticheskikh stranah: mekhanizmy rasprostraneniya novoi pensionnoi ortodoksii [Pension reforms in post-communist countries: mechanisms of diffusion of new pension orthodoxy]. *Social Sciences and Modernity*. 2019 a. No 2. P. 79–90. (In Russ.)

Melnik D.V., Miryakov M.I. Privatizatsia pensionnoi sistemy v Chili i formirovaniye novoi pensionnoi ortodoksii [Privatization of pension system in Chile and formation of new pension orthodoxy]. *Voprosy Ekonomiki* [Problems of Economics]. 2019 b. No 9. P. 40–54. (In Russ.)

Mill J.S. *Essays on Economics and Society Part I*. In.: Robson J.M. (ed.) *The Collected Works of John Stuart Mill, Volume IV*. Toronto: University of Toronto Press; London: Routledge and Kegan Paul, 1967. 404 p.

Mill J.S. *Osnovy politicheskoi ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k sotsialnoi filosofii* [Principles of Political Economy with Some of their Application to Social Philosophy]. Moscow: Eksmo, 2007. 1040 p. (In Russ.)

Nazar S. Put k velikoi tseli: istoria odnoi ekonomicheskoi idei. *Grand Pursuit: The Story of Economic Genius*. Moscow: AST: CORPUS, 2013. 704 p. (In Russ.)

Orenstein M.A. Mapping the diffusion of pension innovation. In: Holzmann R., Orenstein M.A., Rutkowski M. (eds.). *Pension reform in Europe: Process and progress*. Washington, DC: World Bank, 2003. P. 171–194.

- Orenstein M.A. Pension Privatization in Crisis: Death or Rebirth of a Global Policy Trend? // *International Social Security Review*. 2011. Vol. 64. No 3. P. 65–80.
- Otter W. Memoir of Robert Malthus. In: T. Malthus. *Principles of Political Economy* (2 nd edition). London: W. Pickering, 1836. P. XIII–LIV.
- Piñera J. Empowering workers: The privatization of social security in Chile. Cato's letter N 10. Washington, DC: Cato Institute, 1996. 18 p.
- Roncaglia A. Bogatstvo idey: istoria ekonomicheskoy mysli [The Wealth of Ideas. A history of economic thought]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2018. 1110 p. (In Russ.)
- Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018. Statisticheskiy sbornik. Moscow: Rosstat, 2018. 694 p. (In Russ.)
- Ruiz-Tagle J.V., Castro F. The Chilean Pension System. *OECD Journal on Budgeting*. 2001. Vol. 1. No 1. P. 117–137.
- Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations. *Population Studies*. 1948. Vol. 2. No 1. P. 115–124.
- Schumpeter J.A. History of economic analysis. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola, 2004. Vol. 2. VIII + 496 p. (In Russ.)
- Sraffa P. The laws of returns under competitive conditions. *The Economic Journal*. 1926. Vol. 36. No 144. P. 535–550.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. *World Population Prospects 2019*, Online Edition. Rev. 1. 2019. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population> (date of access: 14.04.2020).
- Vishnevsky A.G. Pensionnaya reforma: na peresechenii ekonomicheskogo i demograficheskogo [Pension reform: at the intersection of economic and demographic]. In.: Yasin E.G. (Ed.) *XIV Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 kn. Kniga 1* [XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House, 2014. P. 207–214. (In Russ.)
- Vishnevsky A.G., Scherbakova E.M. Demografiya: za i protiv povysheniya pensionnogo vozrasta [Demography: the pros and cons of raising the retirement age]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. 2019. Vol. 42. No 2. P. 148–167. (In Russ.)
- Williams C.C. Tackling employment in the informal economy: A critical evaluation of the neo-liberal policy approach. *Economic and Industrial Democracy*. 2017. Vol. 38. No 1. P. 145–169.
- World Bank. *Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth*. New York: Oxford University Press, 1994. 402 p.